Карлыгаш Сергазина

Прокопий Лупкин и Иван Суслов: святые, богохульники, лжехристы, антихристы?

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-2-105-122

Karlygash Sergazina

Procopius Lupkin and Ivan Suslov: Saints, Blasphemers, False Christs, Anti-Christs?

Karlygash T. Sergazina — Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). ksergazina@gmail.com

This article deals with the Russian mystical religious group of the Christ-Faith (Khristovery, or Khlysty). It draws upon documents of the eighteenth century referring to Christ-Faith believers in Moscow. According to these texts, in the middle of the eighteenth century, there was no special terminology to describe or classify Christ-Faith believers, and the Synodal officials would call them "superstitious believers," "schismatics," or "antichrists."

Keywords: Christ-Faith, Russian religious culture of the eighteenth century, interrogations records, *Decalogue*, blasphemy.

В основе статьи лежат документы XVIII века о почитании учителей христовщины в Москве. Их анализ показывает, что в середине XVIII века синодальные чиновники еще не выработали единого языка описания для их учения и практики и для обозначения членов этой группы пользовались оценочными терминами «суеверцы», «раскольники», «антихристы». Последователей христовщины оценивали по действующему законодательству (Соборному уложению), в котором были главы, посвященные богохульству (п. 1 гл. 1).

Подробный анализ трудов, посвященных христовщине, представлен в работе А.А. Панченко[1], самом крупном из современных

1. *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 14–43.

исследований культуры христоверов. Из всего корпуса этих трудов наиболее значимыми для исследования религиозной практики и учения христоверов можно считать работы В. В. Нечаева, И.А. Чистовича и Г.В. Есипова[2], вводящие в научный оборот архивные материалы об этой религиозной группе. Среди работ современных исследователей христовщины и того исторического контекста, в котором возникают и формируются общины христоверов, нужно отметить труды А.С.Лаврова, Е.Б.Смилянской, А.А.Панченко, прот. Андрея Бермана, Ю. Клэя[3].

Учение христовщины

Христовщина как религиозное учение возникла в самом конце XVII века в России и была, вероятно, одним из следствий русского церковного раскола. Как и другие эсхатологические течения того времени, христовщина предлагала свой путь спасения, который сочетал личную аскетическую практику с коллективной молитвой и богослужениями.

Учение христовщины целиком было основано на библейском тексте. В его основе — декалог, десять заповедей, данных Моисею на горе Синай. «Я есмь Бог твой» — отражение этой, первой, заповеди есть уже в самом названии учения — Вера Христова. Христоверы — последовательные христиане, почитающие Иисуса Христа Богом. Молитва Иисусова, в основе которой лежит повторение имени Иисуса, становится для них обязательной частью личной и коллективной молитвы. «Да не будет у тебя других Богов, ни всякого подобия, ни изображения». В миссионерской литературе XIX и XX веков можно встретить упоминания о том, что христоверы отвергали православные иконы, но в архивных ма-

2. *Нечаев В.В.* Дела следственные о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн. 6. Отд. II. С. 77–199; *Чистович И.А.* Дело о богопротивных сборищах и действиях // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 2. С. 1–89; *Есипов Г.* Тайная канцелярия: Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 2010.

3. *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000; *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003 (второе издание — М., 2016); *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002; *Берман А.Г.* Мистические секты в Среднем Поволжье в XVIII–XX вв. Чебоксары, 2004; Clay, J.E. (1985) “God’s People in the Early Eighteenth Century. The Uglich Affair of 1717”, *Cahiers du monde Russe et Soviétique* XXVI (I): 69–124.

териалах XVIII и XIX века мы не находим этому подтверждения. Более того, православный крест используется для совершения некоторых обрядов христовщины, а иконы становятся символом присутствия на собраниях христоверов почитаемых святых. «Не поминай Бога всуе». Несмотря на обвинения в суеверии, христоверы были действительно хорошими христианами, понимающими смысл и значение домашних богослужений и церковной молитвы. «Помни день субботний». Христоверы не соблюдали субботу, но чтили христианские праздники — и Господские (Введение, Троицу, Благовещение), и дни почитания святых — Николу, Ильин день, день Онуфрия Великого и другие. Отчасти отражением этой заповеди стало требование молиться по ночам: временем для Бога стала ночь, особенно ночь накануне больших церковных праздников.

«Почитай отца твоего и матерь твою». Документы не сохранили упоминаний о семейных ценностях христовщины, более того — идеалом для проповедников христовщины было, очевидно, монашество. Учителя предлагали «не жениться» и «жить с женами, как с сестрами». Но во многом это была проповедь воздержанного образа жизни в миру — мы знаем примеры монашеского пострига всей семьи христоверов, включая детей, знаем ситуации, когда почитаемый учитель христовщины за свои деньги содержал в монастыре две кельи (то есть две избы) с монахинями и послушницами, но это, скорее, исключение из общего правила. Но так или иначе, христоверы XVIII века, в Москве, были очень близки к монастырям — в каждом из крупных московских монастырей были сочувствующие этому учению монахи и монахини. В Ивановском монастыре — больше 20 сестер, в Никитском — 20, в Георгиевском — 11, в Рождественском — 4, в Варсонофьевском — игумения и послушницы, в Чудовом монастыре — просвиряк, в Высоко-Петровском — иеромонахи Тихон (Струков) и Филарет (Муратин) и еще три монаха, несколько человек из Симонова и Донского монастырей[4]. Новоиерусалимский монастырь и Киевская лавра входили в число почитаемых объектов.

«Не прелюбодействуй». «Не возжелай жены ближнего твоего...». Важнейшей из заповедей для христоверов становится седьмая, запрещающая прелюбодеяния. Причем, толкуют ее расширительно, запрещая не только супружескую измену, но и вооб-

4. Подробнее о статистике см. *Нечаев В.В.* Дела следственные о раскольниках комиссий в XVIII веке. С. 160–169.

ще всякие сексуальные отношения — как в браке, так и вне брака. «Неженатые — не женитесь, женатые — разженитесь», — такая формула закрепилась в хлыстовском фольклоре на долгие годы.

«Не укради». «Не убий». Одно из архивных дел посвящено обнаружению в доме учителя христовщины — в Москве, на Сухаревке, — «трупа»[5], но у нас нет никаких оснований предполагать, что в хлыстовской среде совершались убийства. Не шла речь и о кровавых жертвоприношениях, в которых хлыстов обвиняли миссионеры и – особенно — митрополит Димитрий Ростовский. В обзоре архивных источников, известных как «Описания документов и дел Святейшего Синода»[6], правда, сохранились рассказы о закланиях младенцев на собраниях, но эти тексты позволяют понять, что в основе этих легенд лежат случаи нарушения христоверами (и монахинями) запрета на сексуальные отношения. Монахини признаются, что избавлялись от прижитых незаконно, вне брака, младенцев, уносили их из монастыря и отдавали на воспитание своим мирским родственникам или знакомым посадским жителям.

Христоверов обвиняли и в кражах — упоминания о сборе пожертвований на поддержание общины (с пейоративным оттенком) вошло даже в императорский указ 7 августа 1734 года. В следственных же документах мы видим, напротив, что христоверы с большим вниманием относятся к нищим и странникам и с большим уважением к людям щедрым — принимающим в своих домах нищих и сирот и подающих милостыню и пожертвования на монастыри и храмы. Одним из таких людей был лидер московской общины Прокопий Данилович Лупкин, отставной стрелец полка Венедикта Батурина, ставший впоследствии купцом. О нем вспоминают, как о человеке «милостивом», щедром, в доме которого (в приходе церкви Николая Чудотворца на Болвановке) собирались на обед люди разных сословий. Собирал в своем доме странников и богомольцев и князь Ефим Мещерский, живший в селе Космодемьянском, недалеко от Новоиерусалимского монастыря. Он не был христовером, но христоверы, как

5. «Присланный из канцелярии лейб-гвардии Московского батальона [каптернамус] Захаров показал, что в 1745 году был на карауле с солдатами в дворе Андреяна и осенью, ища глины для починки развалившейся печной трубы, вырыл в приворотной избе на глубине одного аршина мертвое тело, а мужское или женское, того признать было невозможно, потому что оно все развалилось» (*Нечаев В.В.* Дела следственные о раскольниках комиссий в XVIII веке. С. 146).

6. *Нечаев В.В.* Дела следственные о раскольниках комиссий в XVIII веке. С. 180–200.

и староверы, бывали в его доме и молились перед образом Смоленской Богоматери, почитаемым как чудотворный[7].

«Не произноси на брата твоего свидетельства ложна». Требование не лжесвидетельствовать звучало в проповеди христоверов прямо, наряду с полным запретом на сексуальные отношения, полным запретом употреблять спиртные напитки и запретом на матерную брань. Учителя веры Христовой призывали «молиться втайне по ночам в два перста, хмельного не пить и хранить чистоту душевную и телесную» и «про собрание их и веру, которую называли Христовой, не сказывать». Лжесвидетельствование противопоставлялось клятве или присяге, которую давали члены общины и разглашать которую нельзя было даже на исповеди.

Собрания христоверов называют соборами или беседами, их религиозную практику — «радениями» (от глагола радеть — «заботиться»), понимая под этим термином главным образом экстатическую практику членов группы.

В расспросных речах христоверов чаще всего речь идет о «согласии», члены группы называются «согласниками» (единомышленниками или теми, кто вместе поет гласы?). Происходящее на собраниях чаще всего описывается так: «в собрании действо было такое», «верчивались», «ходили по избе вкруг для утруждения плоти», «били в грудь кулаками», «[пророк] махал руками [как] ангелы крылами машут».

Из протоколов допросов можно сделать вывод, что ритуальная практика христоверов в первой трети XVIII века выражалась в земных и поясных поклонах, пении Иисусовой молитвы «на гласы», пении духовных стихов и церковных песнопений, проповеди или пророчествах, в особой практике «хождения вкруг» (верчений вокруг своей оси пророков и хождения по избе друг за другом по часовой стрелке, нередко с самобичеваниями, иногда подпрыгивая вверх на каждом шаге), а также — в некоторых случаях — в раздаче частиц резаного хлеба, которые потреблялись и запивались водой или квасом. Вода освящалась погружением в нее креста и молитвами (по аналогии с водосвятным молебном), что дало повод следствию и миссионерам отождествлять потребление

7. О князе Ефиме Мещерском см.: Лавров А.С. Колдовство и религия в России. М., 2000; *Сергазина К.Т.* Монастырская культура XVIII века и кликушество (по документам дела о князе Е.В.Мещерском) // Православный собеседник. 2011. Вып. 1 (21). С. 111–117; *Сергазина К.*Т. «Хождение вкруг»: литургическая практика первых общин христоверов. Изд. 2-е. М.-СПб., 2017. С. 34–42.

хлеба и кваса или хлеба и воды на радениях с церковным причастием, хотя сами христоверы такую аналогию отвергают.

Верчение пророков было наиболее экстатическим и наименее контролируемым из «хождений вкруг». Верчение, трясения пророков и моменты произнесения пророчеств можно считать основными проявлениями трансовых состояний во время собраний христоверов. Ведущий мотив «хождений вкруг» по избе, также как и самобичеваний, — аскетический («утруждение плоти») и покаянный. Ходившие по избе хороводом или друг за другом, по-видимому, не ставили целью достичь трансового состояния. Они сознательно подвергали свою плоть истязаниям и утомляли ее, ходя по избе полчаса, час или несколько часов без остановки. Иначе говоря, такие хождения были самодостаточны и не являлись путем достижения измененного состояния сознания. И хотя случаев впадения в экстаз нельзя отрицать, они были, скорее, следствием, чем целью.

Когда и как появились «хождения вкруг», кому первому пришла в голову идея дополнить келейную молитву движением, отличным от поклонов, не вполне понятно. Но можно предположить, что в основе лежат два феномена: спонтанный опыт кликуш и юродивых (их «верчения» и «трясения») и некоторые элементы церковных крестных ходов — вокруг престола, вокруг аналоя, вокруг храма, вокруг деревни, из монастырского храма в келью. Нередко подобные крестные ходы сопровождались пением молитв и духовных стихов и представляли собой «молитву в движении».

Кроме участия в радениях, религиозная практика христоверов заключалась в проповеди учения по церковным книгам или устно, в чтении Священного Писания и житийных сказаний, в посещении монастырей и церковных богослужений. Можно сказать, что домашние молитвы — собрания — дополняли церковное богослужение, но не заменяли его. В документах XVIII века мы нигде не видим осуждения церковных таинств, пренебрежения ими, критики духовенства или Церкви в целом. Основной акцент делается не на протесте против существующих церковных порядков, а на личном благочестии, внимании к своей жизни, аскетической практике и духовном пути.

В самом начале существования христовщины у нее, похоже, не было единого лидера[8]. Но большим авторитетом в общинах

8. А.А. Панченко говорит о полицентричном характере ранней христовщины. Он считает, что первые общины формировались вокруг харизматических наставни-

христоверов пользовались проповедники, умевшие читать и знавшие фрагменты библейского текста наизусть. В Москве первой половины XVIII века такими наставниками были: купец Прокопий Данилович Лупкин, строитель Богословской пустыни Даниил (Дмитрий) Гусев, Алексей Трофимов и его сестра Анастасия (Карпова), монахиня Ивановского монастыря, вкладчица Егорьевского монастыря Татьяна Васильева, Семен Иванович Мелоскин, монахи Петровского монастыря Тихон (Струков) и Филарет (Муратин), Андриан Петров, «притворный юрод», и другие. Следственная риторика добавляет к этому списку и Ивана Суслова, который в миссионерских трудах и хлыстовских легендах XIX века становится первым «хлыстовским христом».

Прокопий Лупкин был похоронен в Ивановском монастыре, поскольку по обету он перекрывал там железом крышу Ивановского собора. В этом же монастыре находилась почитаемая могила Ивана Суслова.

Вот как рассказывает о могилах Суслова и Лупкина один из священников Ивановского монастыря отец Алексей:

> В Ивановском монастыре московский купец Прокофей Лубкин погребен близ паперти на правой стороне, а в каком году погребен, не упомнит, а значит надпись на камне, а Суслов погребен на той же стороне, где Лубкин, и надпись о Суслове значит в трапезной правой стороне наличными с золотым словами, а могилы их обоих выкладены кирпичом и по погребении их поминовение по них чинили по Лубкине — сын его иеродиакон Серафим, а по Суслове — Ивановского монастыря старица, бывшая разносчица, Александра Иванова, и на гробы их он, священник Алексий, с товарищами для поминовения ходили два года и службы годовые по ним служили, а потом приказом бывшей духовной дикастерии [будущей консистории — К.С.] советника поминовения на них чинить и службы годовой исправлять не велено; и с того времени и поныне поминовения и службы по них не исправляется[9].

ков: «Таких лидеров в ранней истории христовщины могло быть много. Судя по всему, первоначально они вели страннический образ жизни, путешествуя со своими учениками по городам и селам... Впоследствии, когда хлыстовское учение получило достаточное распространение, сектантские “христы”, “богородицы” и “пророки” становились оседлыми горожанами, крестьянами или иноками» (*Панченко А.С.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 125).

9. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 11 (1756 г.). Д. 732.

В синодальных постановлениях указывалось, что «сам вид захоронений может внести мнение о том, что Суслов и Лупкин снискали какой-то святости»[10], поскольку над их могилами были установлены «палатки», или сени, традиционно воздвигаемые над могилами святых. Эти кирпичные сооружения были уничтожены в целях реализации петровского указа от 12 апреля 1722 года о сносе надгробных строений на кладбищах, но не сразу, а только после письма архиепископа Феофана Прокоповича советнику московской дикастерии в 1736 году. В указах Московской конторы Синода сказано:

> Над трупом-де того Суслова камень сровнен с землею и около его посажены яблонные и прочие древа, и огорожено решеткою с дверцами для всхода над могилкою садец и сказуют, что-де над ним гробница с немалым украшением была, но как в прошлых годах по указу с могил в монастырях и в приходских церквах гробницы и камни повелено сносить, тогда и с того трупа здание снесено и камень с землею сравнен, а надпись с него отесана и неподалеку от могилы в стене трапезы церковной вделана[11].

Указом 1739 года предписывалось «трупы лжеучителей и еретиков» Прокопия Лупкина и Ивана Суслова, которые закопаны в Ивановском девичьем монастыре, выкопав через палачей, вывезти в поле и «учинить с ними по указам»[12]. До 1746 года, однако, тела Лупкина и Суслова не были эксгумированы и сожжены.

Иван Тимофеевич Суслов, почитаемый позднейшей хлыстовской традицией за ученика основателя христовщины Данилы Филипповича, несколько раз упомянут в расспросных речах:

> Семен Мелоскин показал, что Прокофей Лупкин сказывал ему, что был в Москве купецкий человек Иван Суслов и жил-де он близ Донского монастыря и учение у него было изрядное и многие сборища у него бывали...[13]

10. *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. С. 51.
11. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 11 (1756 г.). Д. 732.
12. *Снегирев И.М.* Основатели секты «людей Божиих» лжехристы Иван Суслов и Прокопий Лупкин // Православное обозрение. 1862. Июль. С. 324–326.
13. *Чистович И.А.* Дело о богопротивных сборищах и действиях // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 2. С. 38–39.

Крестьянин Данила на допросе в 1733 году показал:

> Тому ныне двадцать летов жил он в Москве близ Донского монастыря в доме Александра да Ивана Л[ь]вовичей Нарышкиных оброчного крестьянина Ивана Иванова сына Суслова (который после по следующему делу в комиссии показан богопротивных сборищ лжеучитель) и тому лет с тринадцать умре [т.е. около 1720 года — К.С.] и погребен в Ивановском монастыре, и торговал от него в масляном ряду, а что оный Суслов был противного согласия лжеучитель, того-де он, Данило, не знал и ни от кого о том не слыхивал и его, Данилу, тот Суслов и никто расколу и никакому злодеянию не учил[14].

Комиссия не заинтересовалась Сусловым, поскольку тот же Мелоскин показал, что слышал, будто Суслов умер, потому ничего определенного о нем сказать нельзя.

А.С. Лавров, следуя хлыстовской традиции, считает Суслова реальным основателем христовщины и указывает, что он был похоронен при церкви Николы в Грачах, а позднее перезахоронен в Ивановском монастыре[15]. В 1732 году Лупкин был похоронен неподалеку от его могилы. Суслова считали «божьим человеком», как об этом свидетельствовала надпись над его могилой, но, на мой взгляд, все же нет никаких оснований считать, что Суслов учил именно «вере Христовой», а не был московским местночтимым святым. Вероятно, обе могилы в Ивановском монастыре становились местом паломничества.

Христоверы как «богохульники и церковные мятежники»

В документах Московской конторы Синода[16] хранится документ, показывающий, как воспринимали Прокопия Лупкина и Ивана Суслова в 1750-е годы синодальные чиновники:

> Уведомился он раскольнической конторы у секретаря Степана Алексеева, — сказано в документе, что во время следствия о квакерской ереси об оном Суслове от некоторых раскольщиков показано, что он был тех богопротивных ересей лжеучитель и назы-

14. РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 3, 1733 г. Л. 48 об.

15. *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. С. 50.

16. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. ч. 11. Д. 732, 1756 год. Л. 169 об.-170 об.

> вался Богом, и при том рассуждая, что таковые ереси начальники при святых церквах трупы свои погребать домогаются не для чего иного, точно в показание таковое: якобы они не только суеверцы, но и святости некое (как надгробная об них надпись) лжеобщники были и во утверждение богопротивного суеверия своего и последующих им еретиков и раскольщиков, которые тем церквам трупов их прием и вменяет якобы чинится по некоторому признанию, что суеверство их несть суеверство, но истинная и древняя, а не новая (какова подлинно есть) раскольническая вера от какого их плеворассеяния и православных церквей святых чад неких совести могут поколебаться, а в Соборном Уложенье первой главы в первом пункте напечатано: кто иноверцы какой-нибудь веры или русской человек возложил хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или на рождьшую его Пресвятую владычицу нашу Богородицу и присно Деву Марию, или на честный крест или на святых его угодников — и про то сыскивать всякими сыски накрепко да будет сыщется про то до пряма и того богохульника обличив казнить сжечь, и оные Лубкин и Суслов не токмо были раскольники и ересеучители, но и антихристы, ибо не ужасались окаянные, а именно Лубкин (как имеющиеся провинциальной канцелярии присланное следственное дело являет) себя Христом, последовавших себе учеников апостолами, а вышереченный Суслов и Богом себя нарицать.

Мы видим, что решение, вынесенное Синодом, опирается на нормы Соборного Уложения 1649 года, первая глава которого посвящена «богохульникам и церковным мятежникам». Девять статей (пунктов, как мы сказали бы теперь) этой главы посвящены правилам поведения в церкви и наказаниям за нарушение этих правил (воспрепятствовании совершения литургии карается смертной казнью, как и убийство в храме, драка в церкви — батогами, оскорбление — месячным арестом, обращение к царю или патриарху во время службы — тюремным заключением, «на сколько государь укажет»), но первый из этих пунктов — это определение богохульства как хулы на Иисуса Христа и Богородицу или на крест, или на святых, и наказание за это деяние сожжением.

Нормы Соборного Уложения действуют и в петровское время, и позже — в середине XVIII века. Учитель христовщины Прокопий Лупкин, умерший в 1732 году и похороненный в Ивановском монастыре, в 1739 году считается богохульником (в соответствии

с пунктами Соборного Уложения), а потому его тело должно быть эксгумировано и сожжено[17].

Принимая такое решение, Синод ссылается на документы Угличского дела[18], в числе документов которого есть письмо монаха Андроника архиепископу Досифею, в котором Андроник пересказывает историю Прокопия Лупкина.

> Молился де он нощию, — сказано в тексте, — и нашел де на него Дух Святой, и с того времени стал в ночи и во дни Иисусовы молитвы петь голосом и других учить, и называл себя учителем, а которые при нем, тех учениками. А учил де учеников своих, чтоб им вина и пива не пить и матерно не браниться, а которые из них женившиеся, тем, чтобы с женами не спать, а неженившимся, чтоб не жениться, и ставил то в тяжкий грех и блуд. А когда-де у них бывает молитва, тогда при нем бывшие ученики раздеваются верхнею одеждою и бывают в одних рубашках и босиком, то называют тех в милотях. И сажал-де их по лавкам, а сам сидит де в переднем углу нераздевшимся, и уча их, он, Прокофей, толковал: «Христос ходил по морю и по рекам вавилонским со ученики и в корабли плавал, такожде и нам подобает сие творити. Вы де мои ученики, якоже апостолы», а он де, Прокофей, себя называл яко Христа[19].

Прокопий Лупкин под такими показаниями не подписался, а во втором допросе — уже не в духовном приказе, а в Угличской канцелярии — прямо говорил, что «Христом себя не называл». Однако идентификация Лупкина со Христом, понятая как претензия на религиозное самозванство, стала общим местом в историографии и следственном дискурсе — как XVIII-го, так и XIX века.

17. О богохульниках и об аналогичных наказаниях за богохульство см. *Смилянская Е.Б.* Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. С. 173–204.

18. Материалы следственного дела Угличского духовного приказа «О пойманных в Угличе в 1716 году еретиках» были частично опубликованы И.Г.Айвазовым в «Миссионерском обозрении» в 1916 году. В 1985 году Ю. Клэй опубликовал тексты повторно с незначительными исправлениями. Оригинал дела хранится в фонде Канцелярии Синода Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 80. По следствию о секте квакеров (хлыстов) в Москве, 1733 г.).

19. Clay, J.E. “God’s People in the Early Eighteenth Century. The Uglich Affair of 1717”, p. 111.

В 1730-е годы публично сожжены в срубе[20] были и другие учителя христовщины — монахиня Ивановского монастыря Анастасия (Агафья) Карпова, иеромонахи Высокопетровского монастыря Филарет (Федор) Муратин и Тихон (Тимофей) Струков, монах Венёвской Богоявленской пустыни Савватий Струков и вкладчица Варсонофьевского монастыря Марфа Павлова[21]. В следственных документах они были названы «плевелосеятелями» и «развратителями христианского благочестия», «первозаводчиками [основателями — К.С.] и наставниками», но наказаны именно как «богохульники и церковные мятежники» — публичным сожжением.

Но любопытно, что наиболее значимой фигурой для последующей истории христовщины становится персонаж периферийный — Иван Суслов. Его могила находилась рядом с могилой Прокопия Лупкина в Ивановском монастыре и почиталась не меньше, если не больше, чем могила последнего, но, похоже, не только и не столько христоверами — кажется, что он был кем-то вроде местночтимого святого Ивановского монастыря. В позднейшей хлыстовской историографии, переданной Н. Реутским, именно он становится Сыном Божьим, сошедшим с небес и сменившим Данилу Филипповича, «Саваофа».

> «Тридцать лет, — пишет Реутский, — прожил Иван Тимофеевич в Москве в своем Божьем доме близ Сухаревой башни, на углу 3-ей Мещанской ул. и Малой Сухаревой площади. Здесь он учредил беседы и радение Людей Божиих. Здесь он установил пророчества как единственный источник вероучения. Сюда пришел к нему в 1699 году, на сотый год своей жизни, верховный гость Господь Саваоф Данила Филиппович. Здесь они вели свои беседы, сидя за священным столом» [22] (был ли Данила Филиппович историческим персо-

20. Известно, что публично сожгли в срубе протопопа Аввакума, в 1681 году, Квирина Кульмана, в 1691 году, и иконоборца Фому Иванова, в 1714 году, а также перешедшего в иудаизм капитан-поручика Возницына, в 1739 году. Также казнили и поджигателей. Подробнее о казни сожжением см. *Анисимов А.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 558–560.

21. Через 20 лет, уже при Елизавете Петровне, к публичному сожжению в срубе были приговорены и другие учителя христовщины — Василий Степанов, автор стихотворного сборника, Евфросиния Соплина, Яков Фролов, в доме которого собирались христоверы, строитель Богословской пустыни Дмитрий Гусев и иеромонах Чудова монастыря Варлаам Федотов (еще 26 человек были приговорены к смертной казни), однако, как видно по указу 1756 года, сожжение в срубе и смертная казнь были заменены кнутом и ссылкой в Рогервик.

22. *Реутский Н.В.* Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг). М., 1872. С. 75–83.

нажем, не ясно, как не ясно и происхождение легенды о его отождествлении с Господом Сафаофом).

«Лжехристы»

Именно в позиции следователей, мне кажется, и нужно искать начало последующей традиции говорить о христовщине как об учении об обожествлении наставников. Мы видим, что учителей христовщины называли «лжехристами», «антихристами», «лжеучителями», «ереси наставниками», «плевелосеятелями» и «разратителями христианского благочестия» и наказывали как «богохульников» сожжением, тем самым придавая им гораздо более высокий статус, чем тот, которым, как кажется, они обладали в общине. Следствие создало модель религиозного учения, подобного христианству, и восполнило недостающие звенья по своему усмотрению. Так возник указ 7 августа 1734 года, в котором наставники христовщины становятся «священниками»; употребление кваса, воды и хлеба на радениях — «причастием», а сбор пожертвований и ночные бдения осуждаются как — теперь бы мы сказали — «финансирование запрещенной организации» и групповой секс (то и другое безосновательно, поскольку не было ни единой религиозной организации христоверов, и, соответственно, единой «кассы», ни какого бы то ни было секса на радениях). В указе говорилось:

> 1. Собирались мужеский и женский пол с прилежным укрывательством в одно некое место, садились по лавкам по одну сторону мужеский, а по другую женский пол, а в начальном месте заседал оной прелести предводитель — муж или жена — якобы по чину пастырскому;
> 2. потом, взяв благословение у оной предводительной особы, с низким поклонением и целованием руки по две и по три пары, или с большим числом, иные муж с мужем, иные муж с женою, иные жена с женою плясали кругом по избе, как кто мог, высоко подскакивая, и сказывали, что на таковое плясение, или паче шатание, подымал их Дух Святой, приводя на то пребезумным развратом оное у Пророка слово Божье: «Вселюся в них и похожду», что глаголал Бог, обещавая верным своим благодатное свое неотступное присутствие, ведущее их на путь спасения, а не так шальному движению;
> 3. между тем некие из них палками и цапами [цепями — К.С.] бивали себя;

4. а по таковом бешеном бегании некие же из них иногда мужеска, а иногда женска пола персоны, будто бы Духом Божьим движимые, нечто и прорицали или паче суесловные и смеходостойные враки и рассказы произносили;
5. хулили брак законный, установленный и благословенный от самого Бога: вменяя ложе брачное, нескверным от апостола или паче от Святого Духа нареченное, в скверну и в великий грех, и того ради приходящим в собрание их приказывали неженатым и впредь не жениться, а кто женат, разводиться с женами;
6. составили же себе весьма богомерзкою предерзостию и некое проклятое таинство, а именно принимали и ели из рук предводителевых, мужика или женщины, куски хлеба и пили квас, а иногда же и воду, вменяя то, окаянные, за Святое Причастие, с явственным Святых Христовых в Евхаристии Таин ругательством и отвержением;
7. они же твердили между собою, якобы таковое их собрание и действие есть крещение, бываемое Духом, а христианское наше крещение водою во имя Святой Троицы совершаемое, которое в себе и дух заключает, раздирая едино таинство надвое, нарицали простым водным крещением и ко спасению недовольным, хулительне блядословля, яко никто крещеный преданным от Спасителя нашего крещением, если не воспримет и вымышленного вновь от них безумных мужиков крещения, отнюдь спасения не получит;
8. во утверждение столь злосоставного своего и душевредного суеверия врали, прельщаемые от себя человеком, будто бы и все древние Святые отцы не иным, только от них употребляемым спасалися образом, шкаредную свою новость древним спасения путем, бесстудне нарицая;
9. а когда в таковые собрания сходились, мало когда в тот же день и с места того расход их бывал, но всегда, почитай, все там же и ночевали в одной избе мужеский и женский пол, только, сказывают, по одну сторону мужчины, а по другую женщины, что немалое подозрение подало блудного их смешения, наипаче когда и одну из числа их старицу обличено, и сама в упомянутой комиссии винилась, что она с мужчиною той же ереси от беззаконного совокупления и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая мерзкие оные сборы созывала, многие кровати во время следования над келию ея под кровлей найдены, и тако они, окаянные, весьма дивным развратом в неискусный ум пришли, законный брак отвергая, а беззаконного смешения не отстая;
10. таковое же по всему скверное свое учение и действие не устрашились, злочестивые, и призыванием имени Божия клятвен-

но утверждать, ибо всякого первее к ним приходящего, выставив икону, приводили к присяге, дабы клялся, что он предание их яко весьма благочестивое и благоугодное приемлет, и никогда от того не отступит, тако ж, что он тайного их злодеяния никому отнюдь не откроет, ниже духовному отцу;

11. исповедоваться у духовных отцов и вне их сословия сущих не возбраняли, только бы никто таин их, как выше упомянули, не изъявлял, тако ж и Святого Церкви Причастия не запрещали, каков обычай был у древних манихеев, но то не для чего делали, только вящего ереси своей укрывательства;

12. всего же того столь богопротивного их вымысла не иное у начальников и начальниц намерение было, только, как сами винились, хитрый воровских прибылей промысл, которые они от прельщаемых грубых человек и получали.[23]

Анализируя эти тексты, можно легко заметить, что учение и практика христовщины называется здесь описательно, неточно, но с употреблением пейоративной лексики: учение называется скверным, «ересью», «прелестью» [то есть искушением — К.С.], «богомерзкою предерзостию», «хулительным блядословием», «злосоставным и душевредным суеверием», «шкаредной новостью», «богопротивным вымыслом», экстатическая практика — «шатанием», «шальным движением», «бешеным беганием», пророчества — «суесловными и смеходостойными вракими», домашние богослужения — «мерзкими сборами» и «хитрым воровских прибылей промыслом», а сами члены общины — «безумными мужиками», окаянными и злочестивыми[24].

Но авторы текста 1756 года идут еще дальше, называя учителей христовщины не только «оной прелести предводителями», но «раскольниками» (что отчасти справедливо, потому что именно с расколом связано появление христовщины как аскетического учения), «ересеучителями» и «антихристами». Термин «антихристы», впрочем, не прижился совсем, прижился другой — «лжехристы», известный по более ранним течениям и сохранившийся в текстах миссионеров и чиновников до XX века.

23. РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 4–6.

24. По мнению Е.Б. Смилянской, «насмешливо-уничижительный тон», в частности, в определениях заговорных текстов был связан именно с церковной политикой Феофана Прокоповича и свойственен его «светским и духовным последователям» (*Смилянская Е.Б.* Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. С. 166).

Рассмотренные документы показали, что учителей ранней христовщины в XVIII веке наказывали как «богохульников» — публичным сожжением в срубе, хотя в традиционном смысле хулы на Бога ни в расспросных речах, ни в духовных стихах христоверов нет (но есть многочисленные тексты молитв и обращение к святым, Троице, Богородице). По всей видимости, под богохульством государственная (и духовная) власть понимала религиозное самозванство. Прокопий Лупкин, учитель христовщины, который дерзнул сравнивать себя со Христом, понимается как лжехристос, а его ученики — как лжехристиане, еретики. Соответственно, моделируется и лжехристианство — с альтернативными таинствами, священниками, текстами. Основной задачей следствия становится физическое уничтожение (или удаление) учителей, наставников, и возвращение их последователей в лоно Церкви.

Библиография / References

Архивные материалы и источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

Ф. 1183. Московская контора Синода.

Ф. 301. Первая комиссия о раскольниках.

РГИА — Российский государственный исторический архив

Ф. 1473. Секретный комитет по делам раскола.

Ф. 796. Канцелярия Святейшего Синода.

Есипов Г. Тайная канцелярия: Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 2010.

Нечаев В.В. Дела следственные о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн. 6. Отд. II. С. 77–199.

Чистович И.А. Дело о богопротивных сборищах и действиях // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 2.

Литература

Анисимов А. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Берман А.Г. Мистические секты в Среднем Поволжье в XVIII–XX вв. Чебоксары, 2004.

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.

Реутский Н.В. Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг). М., 1872.

Сергазина К.Т. Монастырская культура XVIII века и кликушество (по документам дела о князе Е.В.Мещерском) // Православный собеседник. 2011. Вып. 1 (21). С. 111–117.

Сергазина К.Т. «Хождение вкруг»: литургическая практика первых общин христоверов. Изд. 2-е. М.-СПб., 2017.

Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003 (второе издание — М., 2016).

Снегирев И.М. Основатели секты «людей Божиих» лжехристы Иван Суслов и Прокопий Лупкин // Православное обозрение. 1862. Июль. С. 324–326.

Archival materials and sources

RGADA — Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

F. 1183. Moskovskaia kontora Sinoda [Moscow office of Synod].

F. 301. Pervaia komissiia o raskol'nikakh [First Commission on Dissenters].

RGIA — Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

F. 1473. Sekretnyi komitet po delam raskola [Secret Committee on the Affairs of the division].

F. 796. Kantseliariia Sviateishego Sinoda [The Office Of The Holy Synod].

Chistovich, I.A. (1887) "Delo o bogoprotivnykh sborishchakh i deistviiakh" ["A case of ungodly gatherings and actions"], *Chteniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh. Kn. 2.*

Clay, J.E. (1985) "God's People in the Early Eighteenth Century. The Uglich Affair of 1717", *Cahiers du monde Russe et Soviétique* XXVI (I): 69–124.

Esipov, G. (2010) *Tainaia kantseliariia: Iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi kantseliarii* [*The Secret Chancellery: From the files of the Preobrazhenskii prikaz and the Secret Chancellery*]. SPb.

Nechaev, V.V. (1889) "Dela sledstvennye o raskol'nikakh komissii v XVIII veke" ["Investigations on dissenters from commissions in the eighteenth century"], *Opisanie dokumentov i bumag, khraniashchikhsia v Moskovskom arkhive Ministerstva iustitsii*, ss. 77–199. M., Kn. 6. Otd. II.

Literature

Anisimov, A. (1999) *Dyba i knut: Politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [*Rack and whip: The political police and Russian society in the eighteenth century*]. Moscow.

Berman, A.G. (2004) *Misticheskie sekty v Srednem Povolzh'e v XVIII–XX vv* [*Mystical sects in the middle Volga in the eighteenth to twentieth centuries*]. Cheboksary.

Lavrov, A.S. (2000) *Koldovstvo i religiia v Rossii. 1700–1740 gg.* [*Witchcraft and religion in Russia. 1700–1740*]. Moscow.

Panchenko, A.A. (2002) *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [*Christ-faith and the skoptsy: The folklore and traditional culture of Russian mystical sects*]. Moscow.

Reutskii, N.V. (1872) *Liudi Bozh'i i skoptsy. Istoricheskoe issledovanie (iz dostovernykh istochnikov i podlinnykh bumag)* [*People of God and skoptsy: Historical research (from authentic sources and original papers)*]. Moscow.

Sergazina, K.T. (2011) “Monastyrskaia kul’tura XVIII veka i klikushestvo (po dokumentam dela o kniaze E.V. Meshcherskom)” [“Monastic culture of the eighteenth century and hysteria (according to the documents of Prince E. V. Meshchersky)”], *Pravoslavnyi sobesednik*: 1 (21): 111–117.

Sergazina, K.T. (2017) *“Khozhdenie vkrug”: liturgicheskaia praktika pervykh obshchin khristoverov* [*“Walking around”: The liturgical practice of the first communities of Khlysty*]. Izd. 2-e. M.-SPb.

Smilianskaia, E.B. (2003, 2016) *Volshebniki. Bogokhul’niki. Eretiki. Narodnaia religioznost’ i “dukhovnye prestupleniia’ v Rossii XVIII v* [*Wizards. Blasphemers. Heretics. Popular religiosity and “spiritual crimes” in Russia in the eighteenth century*]. Moscow.

Snegirev, I.M. (1862) “Osnovateli sekty ‘liudei Bozhiikh’ lzhekhristy Ivan Suslov i Prokopii Lupkin” [“Founders of the sect ‘God’s people’ false Christs Ivan Suslov and Procopius Lupkin”], *Pravoslavnoe obozrenie*: 324–326.